

grafiti

Анна Янченко

граффити

FOLIO

Анна Янченко

Underdog

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6539001

Underdog: Фолио; Харьков; 2012
ISBN 978-966-03-5101-1, 978-966-03-6043-3

Аннотация

Анна Янченко (родилась в 1986 году в Харькове) – писатель, журналист и фотограф. Долгое время жила в Буэнос-Айресе, где работала курьером у контрабандистов и фотомоделью. Литературной деятельностью начала заниматься, проживая в Тайланде. Ее эссе-репортажи из разных стран мира публиковались во многих глянцевах журналах Украины.

Монте-Карло, Марсель, Буэнос-Айрес, Берлин, Александрия, Бангкок... 12 городов, 12 дней, 12 девушек и 12 попыток обыграть судьбу плохими картами. Жестокие сказки Шахерезады из аргентинской женской тюрьмы, которые замысловато переплетаются друг с другом. Анне Янченко удастся нащупать нерв своего поколения – неуютного, бездомного, кочевого, не находящего себе места. Underdog generation.

Содержание

12 сентября. Хелена. Мадрид	4
13 сентября. Марьяна. Марсель	20
14 сентября. Ева. Бангкок	34
15 сентября. Ольга. Лозовая	47
16 сентября. Александра. Александрия	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Янченко

Underdog

Опубликовать, а оно того стоит?

Эдвард Морган Фостер

Рассказы низкородных людей особенно насыщены поразжающими слух происшествиями. Мудрый человек удивительных историй не рассказывает.

Кэнко-Хоси

Если будешь пользоваться эпитафиями, не бери их из западных книг, авторы и герои которых совсем не похожи на нас, и ни в коем случае не бери из книг, которых не читал, ибо именно так поступал Даджал.

Орхан Памук

12 сентября. Хелена. Мадрид

Вас приветствует радиостанция «Сигма» с ежедневной программой «Сказка на ночь». Наш спонсор – салон красоты «Люкс»: ваша красота – наша забота. Известно, что за сутки человек выделяет количество тепла, достаточное, чтоб довести до кипения 33 литра ледяной воды. Героине нашего рассказа понадобится гораздо меньше времени, чтоб

дойти до точки кипения.

Наш школьный физрук по фамилии Дитя любил повторять, что из любой неприятной ситуации нужно выходить с улыбкой. Спустя время Дитя посадили за то, что он регулярно имел двенадцатилетних мальчиков, которые, в свою очередь, имели лишь малозащищенный социальный статус. Когда за ним пришли менты, он не улыбался. Но слова физрука крепко застряли у меня голове. У меня просто страсть к подобным когнитивным искажениям. Поэтому сейчас я стою в переполненном автобусе, пытающемся выбраться на Конча-Эспина, опаздываю на работу (в который раз, puta!), дышу в себорейный затылок пышнотелой сеньоры и улыбаюсь. Завтрак я проспала, так что улыбка получается не комиссурная, которую я демонстрирую обычно (уголки рта подняты вверх и в стороны, открытые верхние зубы, пример – Дженнифер Анистон), а более хищная, с поэтическим названием «крыло чайки» (характеризуется показом клыков, при этом форма губ похожа на ромб, пример – Шэрон Стоун). Нет, наверное, даже не улыбаюсь, а просто скалюсь (мышцы вокруг глаз не сокращаются), даром растрачивая в себорейную затылочную безглазость блеск своих тщательно отбеливаемых зубов и зарабатывая морщины в носогубных складках. А чья-то рука в это время уверенно и неторопливо шарит по моей заднице.

Будто проводит инвентаризацию, урод, проверяя – а все

ли на месте? Там-то все на месте, а я вот даже пошевелиться не могу из-за тесноты, стою, краснею-бледнею, сжимаю кулаки, но рефлекторно продолжаю скалиться. В детстве я никак не могла постигнуть суть поговорки, которой бабушка сопровождала мой выход из ванной – «твоя попа – как орех, так и просится на грех». Спустя время я все поняла и про свою попу, и про грех. И про таких вот *hijosdeputa*¹ в общественном транспорте.

Существенную часть начальной фазы моего дыхания составляют эфирные масла и спиртовая субстанция приторных духо́в, коими щедро намазана шея дамы передо мной, и мне все больше хочется превратиться в облигатного анаэроба и ближайшие полчаса жить при отсутствии свободного кислорода. Помню, так когда-то пахли духи «Шехерезада». В Украине их делали две фабрики. Эти духи, вероятно, содержали натуральные компоненты, потому что через год портились, и их можно было спокойно выкидывать. Рука продолжает меня мацать (интересно, как это слово соотносится с еврейскими опресноками?), а я то напрягаю ягодичцы, то сжимаю зубы. Скалюсь, *ruta*, пытаюсь отвлечься... Вот у мужчины слева профиль Боярского, только в усах удали нет, зато пиджак у него ручной работы. В каждый сантиметр отстрочки плечевого шва входит ровно десять стежков. Каждый стежок – ровно два миллиметра. Идеальный шов. А ткань, кажется, *Dormeuil*, из коллекции прошлого года, а может, даже

¹ Ублюдки (*исп.*).

и этого. Любит себя Боярский, балует. Неудивительно, что от него пахнет сексом. Таким... утренним, впопыхах, из-за которого и кофе сбежал, и завтрак остыл, и такси решил не ждать, да и рубашку надел вчерашнюю – «кентовский» воротничок (в зазор между воротником и шеей должен свободно помещаться указательный палец) потемнел на сгибе.

Joder², гребаная рука, зачем же ритмично-то так? Два раза сжимает ягодицу, затем погладит слегка, потом легонько шлепнет и снова сжимает... Риииитаааа! Неужели мы проехали всего лишь сто метров? Fuck, снова светофор... Ничего-ничего, пусть только автобус остановится. Тогда этот magicon³ узнает, что палач – это не тот, кто по умолчанию палач, а тот, у кого в руке топор. Кто облапает тебя по правой ягодице твоей, обрати к нему и другую – это точно не по мне. Слишком много раз нападали на меня в родном городе, чтобы какому-то мадридскому задроту, любителю Molester Trainman⁴, я спустила такой наезд. Главное, чтобы он не спустил мне на джинсы.

Нападали на меня часто. Контекст располагал. Я-то за себя постоять сумею, мне только ботинки обуть с высокой шнуровкой – и попробуй кто напасть, мне отмщение, я воз-

² Ебать (*исп.*).

³ Гей (*исп.*).

⁴ *Molester Trainman* – популярная компьютерная игра из серии «приставание в транспорте» от японского разработчика «Guilty». В поезде парень по очереди лапает девушек за все выпуклые места. От действий игрока зависит, отвергнут его приставания или нет.

дам. Видимо, поэтому я с первого своего визита в бар «69» так понравилась Гиллермине. Она за стойкой главная, де-журная по эскалатору агрессии (так себя величает), меня называет не иначе как «дочь» и уже долгое время пытается убедить, что Чуэка – «ужасно опасный район». Не знаю, может, лет пять тому назад так оно и было. Говорят, раньше тут даже утренний ветерок пах аммиаком и гашем, но сейчас здесь спокойно, как в выключенной микроволновке. Я как-то шутки ради принесла в бар свой дневник, который вела с двенадцати до шестнадцати лет, и полвечера цитировала из него выдержки Гиллермине и Марьяне, подруге-сотруднице, которая и затащила меня как-то в «69». Читая, я и сама вспоминала те унылые комендантские часы, вызванные ежегодным появлением в нашем городишке убийц-маньяков, возбуждающихся на пустоту темных улиц. Вспоминала девочку из параллельного 6-А, которую нашли разрезанной пополам в школьном дворе возле ее же дома, вспоминала опознания тел, найденных в лесопосадках, и всеобщий ужас от посещений морга. Городок был инкубатором «серийников», так что постепенно обывательский страх сменился таким же обывательским равнодушием. Мы скептически усмехались, когда по местному телеканалу давали ориентировки. Да и как можно принимать всерьез носатую карикатуру фоторобота, сопровождаемую трепом диктора, предостерегающего от контактов с брюнетами, ездящими на черных велосипедах «Украина»? Когда я зачитывала все это, синхронно пе-

реводя на испанский, Гиллермина мне просто не верила. Да что там, даже Марьяна не поверила бы мне, если бы не газетные вырезки, вклеенные в дневник, хотя исходные данные наших с ней жизнью были идентичны: детство в районных центрах Украины, среднестатистические семьи, общеобразовательные школы, балльные танцы до третьего класса, областные олимпиады... Мы никогда не спрашивали друг у друга, по каким именно причинам оказались в Мадриде. Да этих причин, puta, больше, чем монад у Лейбница!

Но гребаная рука уже достала! Puta, да мне кажется, что скоро я смогу составить карту флексорных линий и холмов этой ладони прямо сквозь «скинни». Ох, вот бы я нагадала этому уроду! В перспективе – туннельный синдром и смерть от прободения язвы в приюте для бомжей, а в ближайшем будущем – сломанные пальцы на обеих руках! В пятнадцать лет я отдыхала в деревне у родственников, и меня в лесу изнасиловал друг моего парня. А когда об этом узнал тот самый мой парень, он с другими ребятами выловил дружка, пробил ему ножом каждый палец и сказал: «А теперь иди домой. И когда твоя мать спросит, почему у тебя руки в крови, скажешь, что ты этими руками целку малолетке сломал».

Нужно срочно успокоить дыхание... Боярский слева нервничает и матерится вполголоса. Видимо, отчаянно опаздывает на работу, да и надоело уже витрину книжного магазина в окно рассматривать. Хоть в чем-то мне повезло больше, чем ему, – мой jefe с Марьяной уже пятый день подписыва-

ют контракт с вьетнамцами в Марселе, так что мое опоздание некому будет заметить. В Марселе, понятное дело, Роберт в очередной раз неловко и неудачно попытался соблазнить Марьяну. До сих пор балдею от jefe – мало того, что живет на нервах, кофе и горьком шоколаде, так еще и заморочился, сделав официальной своей любовницей Полковника, сестру Марьяны. Но при этом попыток переспать со своим заместителем тоже не оставляет, хотя Марьяна и Полковник близнецы-двойняшки. В этих красотках мне не понятны две вещи – почему одну все зовут Полковником и каким образом другая умудрилась влюбиться в бесполое создание, которое вечерами со среды по воскресенье выступает в «69», одевшись в женское платье и кося под Берналя в «Дурном воспитании». В баре его просто боготворят – считается, что нет никого, круче Поля, когда тот, завернувшись в розовое боа, шепчет песню «Quizas, quizas, quizas» да постреливает подведенными глазками. Сигареты, впрочем, тоже постреливает, и причем постоянно у меня. Впрочем, что отрицать, талант у создания есть, если у кроссдрессеров⁵ вообще может быть хоть какой-то талант.

Сеньора с себорейным затылком оборачивается и смотрит на меня с осуждением. Удивлена моим учащенным дыханием, puta? А что я сделаю? Закричу на весь автобус «помогите, меня лапают»? Да ты же первая на меня накинешься за безнравственное поведение! Что я могу поделаться с ре-

⁵ *Кроссдрессер* – трансвестит.

акциями своего организма? В постсинаптической мембране возникает возбуждающий постсинаптический потенциал, и пришедшее к синапсу возбуждение распространяется дальше. Отвернись, дура, я и так пытаюсь дыхание успокоить, чтоб не допустить интоксикации организма твоей «Шахерезадой». Духи «Шахерезада» – привет из ада.

Поль в последнее время куда-то запропастился – в среду его выступление отменилось, вечер прошел без традиционной песни в боа и не менее традиционной байки про Антонио Бандераса, который в молодости тоже был кроссдрессером, пока его не заметил Альмодовар. В «69» все ждут Альмодовара. Я весь вечер трепалась за стойкой с Гиллерминой (кстати, в девичестве – Гиллермо), называя ее Эмтифи (MtF – male-to-female), которая в отместку называла меня Жиж и знакомила с компанией знакомых шимэйлов⁶ из Амстера. Жиж – это не имя, это аббревиатура «Genetic girl». На месте «69» когда-то был просто винный погреб, поэтому с вентиляцией здесь проблемы – сигаретный дым висит в воздухе конкретными слоями, структуру которых не под силу нарушить даже самой энергичной жестикуляцией. Народ налегал на «фриголу» и «пало», я же, как и Марьяна обычно, пила водку в коктейлях. Случайных посетителей в «69» не бывает, потому что у бара нет даже вывески, хотя лучшего места встречи анонимных алкоголиков с известными сексо-

⁶ *Шимэйл* – от «shemale», мужчина, сменивший пол и имеющий женскую внешность, но при этом обладающий мужским половым органом (англ.).

голиками вряд ли где сыщешь. А еще в «69» есть настоящая сцена – предмет гордости Гиллермины, так как в остальных аналогичных барах в округе просто сдвигают столы перед шоу-программой. Шимэйлы исступленно хлопали всем выступавшим на сцене, особенно дородным Мисс Оливии и Кларе Инкогнито, когда те дуэтом мычали на квазирусском «Очи черные». Клара – легенда. Месяц назад между станциями Сол и Монклоа на третьей линии метро умудрилась сделать минет машинисту прямо в кабине поезда. Поезд сбился с графика и прибыл на станцию Монклоа с опозданием. В газетах писали, что машиниста оштрафовали на месячную зарплату. Ну, в общем, в среду я так и не выяснила, куда делся Поль и что мы в дальнейшем будем делать с курсами женской самозащиты.

Гребаная рука... В «69» при первом посещении вероятность быть облапанной тоже составляет все сто процентов. Но там это как-то не обидно и даже незаметно, ведь изучение твоей физиологии необходимо для знакомства, а совсем не для чувственной стимуляции и аутоэротизма. Нужно же знать, с кем имеешь дело, с MtF или с FtM. А в этом блядском автобусе все с точностью наоборот. Я только и могу, что сжимать-разжимать кулаки, а рука увеличивает амплитуду, и нет уже ни малейшего смысла фиксировать бедра. Нужно как-то отвлечься, оргазм в автобусе по пути на работу в мои планы точно не входит. Вот светофор, например, означает то же самое, что и «люцифер» – оба «несут свет». «Ты был на

святой горе Божией, среди огнистых камней, ты совершенен, светофор, был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония».

Светофор наконец-то загорается зеленым, на дополнительной секции в виде стрелки я вижу наклейку «CSKA Here we go!» – древняя славянская традиция метить территорию уже не удивляет. В нашем городишке считалось крутизной покрывать все возможные вертикальные поверхности надписью «Бара – Лох», из-за чего во дворах иногда даже устраивались диспуты по теме «Кто ты, Бара?» Я даже в соседних городках потом это граффити встречала.

Количество углекислого газа в салоне автобуса явно зашкаливает, у очкарика справа даже запотели стекла – у него вот уже четвертый раз из кармана звучит «Allegro moderato» Моцарта, но до телефона очкарику не добраться. А кто-то точно не дает отдыха руке, потирая шов на моих «скинни» в промежности. Этот «кто-то» дышит мне в затылок. Спокойно так дышит, не напрягаясь, не сбиваясь. Будто стоит в музее Прадо и Рубенсом наслаждается под монотонный голос экскурсовода. Злость! Мне нужна моя злость! Она всегда заставляет мозг действовать быстрее и мыслить агрессивней в стрессовых ситуациях. Благодаря злости я смогла уехать, благодаря злости я устроилась на первую, вторую и десятую работы, только благодаря ей я и живу в Мадриде.

Помню день, когда я приехала в Мадрид, – 14 февраля, День влюбленных, распродажа открыток Me To You. У ме-

ня была договоренность о работе швеей у русских, практически нулевой уровень испанского, 83 евро и 60 евроцентов в кармане и единственный свободный день перед грядущими четырьмя месяцами работы без выходных. На площади Пуэрта дель Соль первым делом я купила пакет с печеными каштанами. Было тепло, шел дождь, и старый дворник в синей жилетке с надписью «MUNICIPALIDAD» рассыпал горстями соль, привлекая этими пассаами мое внимание гораздо сильнее, чем все уличные музыканты, вместе взятые. Я старательно произнесла ему: «¿Para que Ud está tirando la sal al piso?» А он ответил по слогам: «Niña, dijeron que a la noche bajara la temperatura, tonces si no voy a tirar la sal ahora la gente podra caer a la mañana»⁷. Он волновался, что ночью температура может упасть ниже нуля, лужи замерзнут, и люди, утром спешащие на работу, будут в опасности. Он волновался! Puta, да у меня тогда перед глазами пролетели страницы моего же дневника! Плановые отключения света утром и вечером, как родители зимой отапливали квартиру, расставляя по комнате громадные закрытые крышками кастрюли с кипятком и раскаленные в духовке кирпичи, а холодная вода шла только два часа в сутки, поэтому все набирали полные ванны воды, а на дне ванн собиралась ржавчина. Я вспомнила никогда не работающий лифт, и как однажды украли

⁷ – «Для чего вы рассыпаете соль?»– «Деточка, сказали, что ночью понизится температура, а значит, если я не буду рассыпать соль, то утром все будут падать» (исп.).

даже двери от него, и я, первоклассница, чуть было не упала с восьмого этажа в шахту, меня успела отдернуть за руку подружка Вика. Вспомнила дворничиху тетю Люду, которую увезли на «скорой» с переломом бедра, потому что она свалилась в открытый люк канализации на темной улице. Мне было что вспомнить...

У всех в моем городке была с детства мечта – уехать. О чем еще можно мечтать, живя в вакууме между Донецкой и Днепропетровской областью, где твои же одноклассники утром после экзамена решают вынести компьютеры из кабинета информатики и при этом случайно забивают до смерти немощного школьного сторожа деда Сашу? Где твою учительницу физкультуры убивает из дробовика вернувшийся с зоны бывший муж, а твоего пьяного крестного наматывает на колеса поезда и его хоронят в закрытом гробу, потому что от головы ничего не осталось?

Я уже в восемнадцать лет могла лекции по женской самозащите вести. Мы даже с Гиллерминой это обсуждали, она сказала, что подобные лекции будут полезны многим завсегдаям «69». Я научила ее самому простому приему защиты без применения подручных средств и еще парочке элементарных способов бить пальцами в глаза и ломать носы. Или вот – заходишь ты в подъезд, а там тебя уже ждут, хватают за плечи и настойчиво уговаривают пойти и развлечься. В самом парадном насиловать и грабить вряд ли будут, потому что ты можешь закричать, шум поднять, поэтому пер-

воначальная цель этих уебков – вытащить жертву на улицу. Ты спокойно поддерживаешь светскую беседу, параллельно приобнимая уебка за талию. Цель понятна – его руки на твоих плечах, и если ты положишь свои руки ему на талию, он не сможет пробраться к своим карманам, где у него может быть нож или шило. Потом немного отходишь назад и, не договорив последней фразы, с размаху бьешь этого урода по яйцам со всей силы. Он автоматически наклоняется, и ты, опять же со всей силы, даже еще сильнее, чем до этого, бьешь его по спине локтями. Даже если в тебе роста метр с кепкой, а в нем – под два, этот способ обязательно сработает за счет неожиданности и твоего собственного веса. Тут у тебя есть секунды пять-десять, чтоб убежать или позвать на помощь. Мне эта стратегия дважды помогала, а однажды не сработала, урод меня опередил – нож уже был в его руке. Обычный кухонный нож с широким лезвием и оплавленной пластиковой рукояткой. У мамы на кухне был точно такой же, только рукоятка была белой, я всегда им под Новый год оливье крошила. Пришлось импровизировать. Осталась жива, что неплохо по сути, да и сломанные пальцы заживали недолго, но испытывать судьбу больше не хотелось.

Я переехала в город побольше. Сама.

А свалить из страны я решила в деревенской карпатской бане, где меня парила сочная миссис из Майямы по имени Полина. Она оказалась в Прикарпатье, потому что следовала по всему миру за гималайским махайогом Пайлотом Ба-

ба-Джи, боясь пропустить момент его окончательного про-светления. А я приехала туда же, потому что занималась йо-гой уже почти год, и потому что было лето, и на Крым де-нег не было, а хотелось каких-то изменений и откровений. В Ивано-Франковске шел ливень, и на вокзале, ожидая, когда меня заберут последователи Баба-Джи, я отбивалась от во-дителей маршруток, которые цеплялись ко всем с вопросом «а чи не в Іспанію ви їдете?» Я, наивная чукотская девочка, думала, что так называется какое-то близлежащее село. Но оказалось, что водители просто собирают местных, решив-шихся уехать в Испанию на заработки.

В старом затерянном в горах санатории всех новоприбыв-ших из паствы Баба-Джи отправляли в баню отогреться. А я приехала позже всех, потому в парной была только Полина. Знакомство было быстрым, и через три минуты она уже кол-довала надо мной дубовым веником. По ее ключицам стека-ли струйки пота, а от тела липко пахло жасмином. Она рас-сказывала мне о процветающем на пляжах Майями нудизме. Ее тяжелые полные груди с темными крупными сосками вре-мя от времени чиркали по моему животу. А я думала: «Да на кой черт мне все это нужно? Что я тут делаю? Куда это меня приведет? Три года, посвященных биологии, учебни-ки, репетиторы, поездки на подкурсы, победы в олимпиадах, гордость школы, отказ от факультета молекулярной и био-логической физики, потому что на бюджет не берут, а кон-тракт родители оплатить не смогут, потом швейное ПТУ, йо-

га, парашюты, рок-фестивали, шмаль, калипсол...» И в сонном мареве карпатской бани снова замаячил кухонный нож с оплавленной справа пластмассовой колодкой за 2 р. 45 коп. Я так и не повидалась с Баба-Джи, решив, что Баба с воза, Хелене легче. Ушла, не попрощавшись даже с Полиной. Чи не в Испанию ви їдете? Да уж точно не в Майями.

Вот и злость уже бурлит в крови! Возбуждение испарилось, колени не дрожат, дыхание размеренное. Осталось два поворота, и тогда откроется гнев Божий с неба на всякое нечестие. Этот трюк я раньше не знала, меня обучили ему именно в «69». Тут главные ингредиенты – тонкий каблук, та самая злость и умение безошибочно определить обидчика позади себя в толпе. Идеально подходит для вариантов, когда просто зарядить по яйцам не получается. «Дочь моя, вкратце суть вот в чем, – говорила Гиллермина, капая табаско в «кровавую Мери» под аккомпанемент «Besame mucho», – в абсолютной тесноте нужно стать спиной четко к обидчику, постараться даже прижаться к нему, подождать, пока объявят твою остановку, и подняться на носочки так, чтоб каблуки были занесены над его стопами, ну или хотя бы над одной стопой». Сегодня я, будто по наитию, надела длиннющую шпильку Zara, по крайней мере, жалко не будет, если каблук сломается. «Так вот, в тот момент, когда автобус затормозит, нужно резко подпрыгнуть (иногда в таких случаях удобно зацепиться руками за поручень) и с силой вдавить каблуки в стопы обидчика. Судя по раздающимся

обычно крикам – боль адская». В ступне плюсна практически не защищена, пять трубчатых костей скрываются просто под кожей, так что, если удар каблуком нанесен правильно и верх обуви у жертвы тонкий, то можно спокойно эти кости сломать, плюс порвать связки – это любой ортопед подтвердит. А главное, ведь как все похоже на чистую случайность! Автобус резко затормозил, хрупкая девушка не устояла на высоких каблуках и оступилась – прелестно! Придраться и обвинить в предумышленности не возможно. Но это еще не все – после прыжка полагается с улыбкой развернуться и воскликнуть «ой, простите, я не хотела! Вам же не больно, правда?» И тут же быстренько выпрыгнуть из автобуса. Можно, конечно, еще рукой вслед помахать и даже воздушный поцелуй автобусу послать, но это уже барочное излишество. Автобус тормозит, Шахерезада делает шаг к двери, Боярский протискивается у нее под рукой. Что ж, нож в этот раз в моих руках. Ах, как все зашевелились, как все заохали, какой громкий вскрик сзади! Ах, как же сладко пульсирует все внутри! «¡Mil disculpas! ¡Fue sin querer! ¡Espero que no le duele mucho!»⁸ Выдохнуть и выскочить из автобуса – да легко! Оглядываюсь – в автобусе корчится нечто наподобие Вуди Аллена. А Zaga не подвела. Ну и глаза же у него были! Ах, какие глаза бывают у мужчин! Putamadre, каким же правильным вещам учат иногда в баре трансвеститов!

⁸ «Тысяча извинений! Я не хотела! Надеюсь, вам не очень больно!» (Исп.)

13 сентября. Марьяна. Марсель

Радиостанция «Сигма» приветствует постоянных слушателей программы «Сказка на ночь». Спонсор программы – салон красоты «Люкс»: ваша красота – наша забота. Знаете ли вы, что под шерстью белых медведей скрывается кожа черного цвета?

Пальцы ног марокканки украшены тонкими кольцами, по щиколоткам змеятся татуировки, а на лодыжках поблескивают цепочки с маленькими сердечками. Я рассматриваю ее ноги, закинутые на спинку пластикового кресла, наверное, минут десять, а то и больше. В конце концов, нужно же на что-то смотреть в ожидании своего рейса. Марокканке льстит такое внимание. Ей хочется, чтобы я увидела еще и ее колени, она готова для этого даже слегка подобрать подол юбки. Ее парень с дредами, собранными в пучок на затылке, сидит неподалеку на полу у стены, заряжает от розетки айпод и фотографирует мобильником всех, кто фотографирует его. А таких немало. Напротив меня, через несколько рядов кресел, два молодых хасида пьют через трубочки колу из бутылок. Они стараются не смотреть на марокканку даже издали.

– Больно...

– Мне перестать?

– Нет, только на клитор не так сильно дави... Я же большая девочка, и мест, где можно потрогать, у меня много...

Зачем я сейчас вспоминаю его пальцы? Мне бы забиться в какой-то дальний угол аэропорта и поспать без снов. Во Франкфурте я, похоже, застряла надолго. Рейс на Мадрид отменяется уже дважды подряд. А Роб, паскуда, полетит из Парижа прямым, без пересадок. Хотя с этой погодой и он может оказаться в каком-нибудь Брюсселе. Или, что вероятнее, в какой-нибудь Вене. Он сам расскажет все Полковнику? Уверена, что нет. Более того, скорее всего он и в Париже задержался только для того, чтобы дать мне время объяснить с сестрой.

Сколько дурочек в одной девочке? А в двух? Нет, не вдвое больше. Если речь обо мне и о Полковнике, то дурочек можно умножать до бесконечности.

– Почему ты зовешь ее Полковником?

– Это из детства.

– Но почему?

– Не помню, Роб. Так ее все называли в школе.

Курить. Нужно сходить покурить. «Смокинг зона», Каса-бланка чокнутого мира: белая сборка, серая сборка, красная сборка, евреи, шииты, сунниты – какая, на хер, разница, бро? Огоньку не найдется? Политика и религия остаются на свежем воздухе, а равенство и братство тусит на никотиновых пажитях. Албанец, расстрелявший в этом аэропорту американских солдат, скорее всего, был некурящим. Американцы,

судя по всему, тоже. Поднимаюсь, беру сумку. Марокканка разочарованно отворачивается. Ее парень улыбается и фотографирует меня. Всем любви за счет заведения! Не хватает только пони, какающих радугой.

Достаю пачку «Merit» и флягу виски Black&White с двумя скотч-терьерами на этикетке. Делаю пару глотков. Закуриваю. По-любому эту бутылку нужно прикончить до начала посадки. Приходит смс от Полковника. Жалуется, что ей никто не пишет. И что мне рассказать ей? Что не люблю я, оказывается, долгий трах, что не чувствую я кайфа, когда со мной занимаются сексом больше пятнадцати минут, да еще и спрашивают при этом, когда же я уже, наконец, кончу? Если бы хотела, то уже б кончила, мудила. Полковник вообще называет Роба «ботом», причем в самом что ни на есть пейоративном смысле этого слова. По поведению в постели он действительно неотличим от программы, имитирующую деятельность человека. «Пейоративный» – это слово из лексикона Полковника. С ней вообще непросто.

– Дай мне атлас, пожалуйста, – не отрываясь от компьютера, говорит мне.

– Тебе какой? – участливо интересуюсь.

– Который латеральнее, – совершенно спокойно отвечает Полковник.

– Который что?

– Латерально-медиально, что непонятного? Одно дальше от срединной оси шкафа, другое ближе.

Бросаю окурок в чей-то оставленный пластиковый стакан с недопитым кофе. Напротив «смокинг зоны» расположены молитвенные комнаты. «Синагога» и «мечеть» закрыты, а в помеченной крестиком – двери нараспашку. Захожу – пусто. Комната напоминает конференц-зал, только размером с дешевый гостиничный номер. Перед распятием на стене стоят свечи и лежат несколько Библий, а на столике возле входа – тетрадь толщиной с полное собрание Жюль Верна в одном томе, книга отзывов и предложений для верующих и сочувствующих им. Листаю записи – господи ты боже мой, сколько же людей боится летать самолетами! Не удержалась, оставила и свое сообщение: «Супермен на небе и сестра моя Полковник! Простите меня за блядскую сущность. За то, что я не устояла перед искушением, за то, что я даже не пыталась устоять. Полковник, ты такая же, как я. Ты должна меня понять! И вообще – на черта тебе этот «бот», верящий в телегонию?»⁹. Перечитала, поставила дату и расписалась. Спаси и засейвь меня, Супермен!

Прослонявшись по терминалам еще час, зашла в дьюти-фри и перепробовала десятки губных помад, испачкав равнодушными поцелуями сотни белоснежных салфеток и так натерев губы, что они припухли. Долго выбирала между 121-й фуксией Guerlain и 109-й Yves Saint Laurent. Накрасила ресницы тушью Lancome Hypnose, и она осыпалась мне на

⁹ Теория, которая утверждает, что на потомство женской особи влияют все ее предыдущие половые партнеры, особенно первый.

скулы еще до того, как объявили мой рейс. Хорошая шутка Супермена – из Франкфурта в Мадрид я лечу через Марсель. Преступник всегда возвращается на место преступления.

И снова стюардесса исполняет пантомиму под названием «Что нужно успеть сделать в салоне самолета перед тем, как погибнуть». Была бы здесь Ева, давно бы уже шептала «Отче наш», а после сидела бы с видом Золушки, раздобывшей шикарный компромат на Фею-крестную и обдолбавшуюся нейрорептиками. Полковник должна была с ней созвониться на днях, расспросить о Тайланде. Ева раньше жить не могла без консультаций у Полковника, сестра ей по телефону даже компьютер подключала.

– Вот увидишь, там такая несложная бифуркация, туда и тыкай!

– Что я увижу?

– Ну... э... раздвоение.

Нам с сестрой бифуркация не грозит – проклятье близнецов. Итак, снова в Марсель. Кстати, «Марсельезу» придумали в Марселе или это очередная путаница в названиях?

Турист из Роба никакой. Не в состоянии он подарить девушке город. Хотя что требовать от «бота»? Да и сам Марсель совсем не Вена, жаждущая понравиться всем без разбора. Неприветливые лица в Старом порту, промозглый ветер, шупающий твою грудь под блузой, рано закрывающиеся магазины и рестораны, ухмыляющиеся блэки и арабы в Ле Па-

нье, лезущие во все щели туристы, одержимые буйабесом и Дантесом. Правда, море, которое здесь начинается прямо от взлетной полосы, все три дня было спокойным, словно ребенок, который упрямо трет глаза перед тем, как уснуть. Каждый раз, проезжая по набережной Кеннеди до Старого порта, я пыталась хоть издали рассмотреть остров с замком Иф. Можно было бы туда, конечно, и на катере прокатиться, но у Роба на такой подвиг сил не хватало, да если честно, то и мне больше хотелось просто поваляться в ванне. Изысканный мсье Антуан, директор «Assar&Ian International», не мог снизить цены на поставки хлопка и швейных нитей от Chamaye и Burgerede France без того, чтоб не прочесть нам лекцию о своей любимой шерсти. Роб не понимал французского, поэтому каждый день мой мозг перегревался из-за специфики определений. Дикие канадские овцебыки скакали по моим извилинам во время «пилинга» и «обжига ткани», мешая «людям со старой закалкой» классическим способом «вычесывать чертополохом нанотехнологическую пашнину». Что-то там было еще и про «18-каратные нити золота», в которых я запуталась окончательно. После общения с мсье Антуаном мы с Робом ехали в Holiday Inn, в конференц-зале которого компания вьетнамцев красочными слайдами доказывала нам необходимость закупаться только у них, а мы в ответ красочными жестами доказывали им необходимость снизить для нас цену и тем самым расширить рынок сбыта. В общем, не до прогулок было. Даже к собору Нотр-Дам-де-ля-Гарде

я поднялась настолько расфокусированной, что запомнила лишь ступени наверх и свисающие из-под купола, будто сушеная хурма, гирлянды с деревянными парусниками.

Роб снял мне квартиру неподалеку от рынка и, проснувшись, я часто наблюдала, как продавцы в ярко-желтых комбинезонах вываливают из бочек на прилавки утренний улов, а обезумевшие от запаха рыбы чайки кружатся над ними и пронзительно визжат. Разложив рыбу, продавцы начинали курсировать вдоль прилавков, чтоб поздороваться, обматерить погоду и, если нужно, подменить друг друга. Они по очереди отбегали в различные забегаловки внутри квартала, чтоб опрокинуть рюмку перно да поглазеть, кто из завсегда-таев на сей раз выигрывает в кости. Этот ритуал я воспроизвела уже на следующий день – зашла в кафе с названием «Massalia» и тоже выпила рюмку пастиса «51» за 1,4 евро, отметив для себя, что чашка кофе стоит 2,5, банка Red Bull – все 3,4 евро, а в кости выигрывает старик с лихими усами, похожий на «офранцузенного» белогвардейца. В ногах у него крутилась лохматая болонка.

Глядя на рыбацьи баркасы из окна своей квартирки, я радовалась, что отказалась поселиться вместе с Робертом в «Du Arts». Терпеть не могу отели. Они, конечно, удобнее, но тут я, по крайней мере, могу видеть жизнь, а не дежурные улыбки горничных. К тому же в квартирах всегда найдется парочка книг. В данном случае их было целых три – Коран на журнальном столике и «Les Fleurs du mal» Бодлера

с «L'Automne à Pékin» Виана на полке.

Капитан экипажа просит всех пристегнуть ремни – вот она, обещанная турбулентность, – и десятки жующих ртов начинают одновременно издавать жалобное мычание. Стюардессы пробегают вдоль рядов, проницательно вглядываясь в лица пассажиров – под открытыми столами с обедами все равно не видно, кто пристегнулся, а кто забыл. В салоне все дребезжит, с верхней полки у кого-то сыпятся сумки, у дамы в клетчатой шляпке с места 15-С началась истерика. Она норовит встать, стюардесса пытается подобраться к ней, держась за спинки кресел. Мне везет – на юбке лишь рассыпавшаяся соль (поссорюсь с кем-то, сто процентов!), а у многих – весь обед на коленях. Пока мы окончательно не пройдем зону турбулентности, никто не сможет встать и рагу из говядины с картофелем или разваренная паста с курицей (Lüf hansa всегда дает своим пассажирам возможность выбора между изжогой и локальными жировыми отложениями) будет спокойно остывать на одежде. Толстый кореец, мой сосед с места 18-В, невозмутимо пытается поддеть вилоккой кусок замерзшего сливочного масла, чтоб попробовать его в чистом виде. Когда-то на нашей улице, через дом, тоже жил кореец с женой-татаркой – потомки депортированных, они поженились еще в Казахстане. Грузная тетя Валя, когда напивалась, все норовила рассказать страшные истории про жизнь в Астане – мол, раньше там зимой отключали отопление и электроэнергию и пенсионеры выбрасывались из окон,

потому что не могли выдержать артрическую боль в суставах. И еще по пьяни очень любила демонстрировать свою растяжку, садясь на шпагат прямо на щебенке перед домом.

Толстому корейцу наскучило выковыривать масло из корбочки, и он начал прямо из пакетика высасывать майонез. Я закрываю глаза и слышу оглушительный рев, характерный для massированной утечки воздуха из салона. Декомпрессия, мать ее. Пространство наполняется пылью и туманом, отчего резко падает видимость. Подносы с едой начинают летать по салону. Из легких быстро вытягивается весь находящийся там воздух, удержать который невозможно, как ни напрягай грудную клетку. Одновременно перегружаются барабанные перепонки, из-за чего в ушах адская боль. Не менее адская боль в кишечнике – это расширяются внутренние газы. Я тянусь к кислородной маске, но не успеваю ее надеть и теряю сознание от удушья. «Это что за оффтоп? – слышу я голос Полковника. – Трахалась с Робертом, любовью всей жизни твоей родной сестры, а теперь с темы прыгиваешь?» Нет, Полковник, что ты? У нас тут просто одна идиотка, перепившая чилийского кисляка, устроила свадебный шамадан, танец с канделябрами, вот топливные баки с десятками тонн горючки и отреагировали. Стягиваю с себя колготки – это же легковоспламеняемая синтетика. На всякий случай сбрасываю и трусики – они у меня из экологического бамбукового фибра, а я не помню, насколько он огнеопасен. Вспоминаю, что защитить дыхательные пути от дыма можно

тряпкой, смоченной в моче. Срываю с себя блузку, писаю на нее и прижимаю к лицу. Из-за сильной задымленности все передвигаются вдоль рядов на четвереньках. Юбка у меня задирается, и толстый кореец, прикрывший голову пледом, въезжает своим носом прямо мне в промежность. «Даже погибнуть не можешь по-человечески!» – слышу я издевательские интонации Полковника.

Открываю глаза. Кореец ковыряется в зубах, за шторкой в бизнес-классе плачет ребенок, шляпка у нервной дамы с места 15-С перекосилась набок, а сама дама спит, убаюканная ровным гулом турбин и диазепамом.

Нет, Полковник! Я пыталась тебе все рассказать еще перед отъездом из Марселя, ты не брала трубку, был включен автоответчик. Потом позвонила и все рассказала Полю – раз уж настроилась на аутодафе, зачем себя ограничивать? Он предсказуемо бросил трубку. Что ж, прощай, мой маленький принц, мой гребаный эпик фэйл, «tu deviens responsable pour toujours»¹⁰ оставь себе на память.

На третий день обсуждений Роб все же подписал контракт с вьетнамцами. Изысканный мсье Антуан с его «качество ткани вашего костюма зависит от того, какую травку овечка в Новой Зеландии сжует перед дождем» остался не при делах, а мы забронировали столик на двоих в «Le Miramar»,

¹⁰ Начало расхожей фразы из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили» (*фр.*).

чтоб отпраздновать сей événement¹¹. Сели в такси, но на улице образовалась пробка, потому что какие-то магрибские малолетки разбили витрину в бутике L'Occitane неподалеку от Gallery Lafayette. Причем даже не убежали, а тупо стояли рядом с полицейскими и ругались, пока те вызывали кого-то по рации и не давали машинам проехать. В итоге мы расплатились и пошли пешком. В ресторане Роб не стал заказывать вин, а взял сразу бутылку граппы. Ужин все никак не приносили, мы быстро пьянели. Роберт рассказывал, что когда ему было двенадцать, он взобрался на громадный дуб, а спуститься не смог, и родителям пришлось вызывать спасателей. И еще про то, что его отец собирал алюминий и сдавал потом. Собирал он всё – даже алюминиевую фольгу от шоколада. И не дай боже выкинуть эту фольгу в мусорное ведро, а не сложить в специальную баночку – всё, на глаза можно даже не попадаться, воплей будет – уууу!

Рассказывая обо всем этом, Роб смотрел на меня с выражением: «Видишь, как я откровенен с тобой! Заметь, я тебе говорю о личном! Ты должна сделать правильный вывод и довериться мне так же!» Голова стала кружиться, но тут принесли рыбу, я и поведала Робу, как мы с сестрой в детстве ездили на водохранилище глушить рыбу, большую солитером. Такая рыба всплывает на поверхность и уже не уходит на дно. Смысл игры состоял в том, чтобы с берега высмотреть спинку с плавником, поплыть за рыбой, догнать и оглу-

¹¹ Событие (фр.).

шить ладонью. Мы с Полковником целые дни проводили за этим занятием. На берегу большую рыбу отдавали кошкам. Другие животные могли заразиться, а кошки нет.

Мысль о том, что сегодня вечером мне нужен мужчина, больной рыбой плавала на поверхности моих воспоминаний о детстве, не хотела уходить в глубину. И не оглушить ее при этом ни ладонью, ни граппой. И я рассказала Робу еще одну историю. Нам с Полковником лет тогда было по тринадцать, но сестра уже встречалась с мальчиком. Этот мальчик как раз только вернулся из армии, ходил в спортивном костюме и считал высшей похвалой слово «ровный». Так вот он хвастался, что как-то, стоя в ночном карауле у складов с боеприпасами, увидел, как прапорщик трахает какую-то шалаву у себя в машине. Мальчик созвал дружков с соседних постов, они подкрались незаметно к машине и стрельнули холостым в воздух. От испуга у шалавы заклинило влагалищные мышцы, и прапорщик оказался в западне. И чем сильнее он дергался, чтобы высвободить свой член, тем хуже были его дела. После этой дивной истории мы с сестрой втайне друг от друга мастурбировали в туалете, представляя себе того прапорщика.

Вконец опьяневший Роб в ответ рассказал мне, что когда впервые занимался сексом с моей сестрой, она стояла на коленях в позе речного членистоногого, и он уже собрался в нее входить, как вдруг разглядел возле ануса Полковника прилипший кусочек туалетной бумаги.

Тогда я, чтоб окончательно сравнять счет в откровенности, рассказала Робу, что обожаю «доги стайл», обожаю выгибать спину, обожаю, когда меня тянут за волосы, обожаю, когда меня бьют по заднице до красноты, обожаю при этом всем материться, да так, что все сапожники мира нервно достают блокноты, чтобы записать новые словечки.

После ужина, так и не сумев поймать такси, Роберт решил провести меня домой, и перед домом, конечно, решили еще кофе у меня попить. Перед дверью в парадное ключи упали на асфальт, и Роб ритмично щелкал зажигалкой. Когда мы заходили в квартиру, от его плаща отлетела пуговица.

Утро, как и простыни, было скомканным. Роб сбегал в гостиницу за своими вещами, вернулся уже на такси, и мы уехали в аэропорт, чтобы вместе улететь в Париж. Там в Fouquet сняли номер с двуспальной кроватью. На два дня.

Капитан экипажа снова просит всех пристегнуться – самолет идет на посадку. Толстый кореец говорит мне: «Il ya trois choses a propos de Marseille – le football, des arabes et la colombin»¹². – «И пуговица от плаща Роба», – отвечаю я ему. Рейс на Мадрид обещают через полтора часа, а значит, если повезет, уже к вечеру я буду дома. Если мне повезет еще раз, в баре «69» будет еще пусто, и я закажу себе пива с текилой, вспомню своих бывших, переспавших с Полковником, наберусь смелости и позвоню сестре, чтобы сказать: «Извини, я сравняла наш счет... 8:8.

¹² «В Марселе есть только футбол, арабы и голуби» (*фр.*).

Теперь опять твоя очередь. Надеюсь, ты ничего не имеешь против блондинов?»»

14 сентября. Ева. Бангкок

В эфире радиостанция «Сигма». С вами программа «Сказка на ночь» и наш постоянный спонсор – салон красоты «Люкс»: ваша красота – наша забота. Известно ли вам, что летучие мыши, покидая пещеру, всегда поворачивают налево?

Пью «меконг». Хотя нет, это «сангсом». Пишу: «... нам бы с тобой потерять друг друга, да найти потом заново. Но потеряться невозможно, повсюду указатели с нашими именами. А и Бэ сидели на трубе. Let's get lost. А и Бэ. Чет Бэйкер играет на трубе. Потеряться... Для этого нужен третий. Женского рода. Она. Я буду рядом. Хочешь, я даже буду держать тебя за руку? Не больно. Тогда не будет больно. Раз, два, три. А, И, Бэ. Независимо от варианта троичной системы счисления, одному троичному разряду в троичной системе счисления соответствует один троичный триггер как минимум на трех инверторах с логикой на входе. Вызубрила в детстве на спор с отцом. Только смысла фразы так и не осилила. Мне бы потеряться в непонятных значениях, пока ты будешь трахать меня пальцами. Five-finger exercises. Цикл стихов у Элиота. Можно ли считать, что в данном случае упражняются все твои пять пальцев? Или только указательный и средний? Не больно. С логикой на входе. Люблю тебя».

Снова дождь. Значит, около трех. Здесь всегда в это время идет дождь. Закончится в пять. Тебе приходит смс, и мне кажется, что я сейчас закричу. Ты выходишь из душа, вытираешься розовым полотенцем. Грязная москитная сетка на окне. Комната размером с чемодан. Розовое полотенце. Закричу? Ты смотришь на мой блокнот. Потом говоришь: «Кажется, смс пришло». Твой поникший член. Мертвая черепашка. Окурок желания. Недопалок. Не до палок сейчас. Наверное, я понимаю. Наверное. Верность. А и Бэ. До старости. А, И, Бэ. Приключение.

Вечер. Чайнатаун. Тотальный неон. НЕОНацизм. Не он. Едим устрицы, жаренные на гриле прямо в раковинах. Острый соус. Я пью «чанг», ты сокрушаешься, что здесь нет темного лаосского, потом заказываешь бокал «лео». Маленький бирманец крутится вокруг, но толпа не дает ему приблизиться к нашему столику, смывая его, как спичку, а он все возвращается, застревая между людьми, чтоб поймать твой взгляд и вновь и вновь просить у тебя денег.

– Так вы в итоге переспали? – спрашиваешь как бы между прочим. Прочее – это глоток пива и затяжка сигареты.

– Ну, как сказать... Понимаешь, в четырнадцать лет даже глубокий поцелуй сродни сексу, особенно, если он с девочкой.

– Как ее звали?

– Их было много. С одной мы однажды пытались было довести дело до конца, целовались, гладили друг друга, разде-

вали, но когда оказались в постели... обломило как-то.

– Испугалась? – Твой взгляд провожает молодую тайку в коротком платье, лабирующую в толпе. Маленький бирманец исчез. Раз, два, три.

– Nada que ver¹³. Испугалась она, а я больше разочаровалась... Знаешь, она была какой-то холодной на ощупь, ну, как перила эскалатора. И без одежды выглядела de mierda¹⁴...

– Это вечная проблема... ¿vamos?¹⁵

Я молчу. Считаю до трех. Ты должен что-то сказать.

– Знаешь, я тут прочел, что японцы во время оргазма кричат: «Ику!» И-ку. Это производное от слова «икимасу», что значит «уходить». А вот англичане при аналогичной ситуации восклицают «to come!», то есть «приходить». Смешно, правда? Вот она, разница между Западом и Востоком.

– Смешно. Но если бы в твоём родном Виго узнали, что ты ешь устриц-гриль, Восток был бы скомпрометирован в глазах Запада куда серьезнее.

– Да мама бы просто не поверила! – улыбаешься ты.

Неон. Лотреамон. Не он. Киплинг. Звучит, как термин. Половой акт между Западом и Востоком. Не заняться ли нам «киплингом»? Запрыгиваем в тук-тук, едем на Каосан, жалеем, что на ночь в «Рикка» закрывают бассейн. «Рикка Ин»,

¹³ Ничего подобного (*исп.*).

¹⁴ Дерьмово (*исп.*).

¹⁵ Пошли? (*Исп.*)

1200 бат в сутки. Ты стучишь пальцем по табличке на входе: «Уважаемые гости, наш отель семейного типа, потому приводить проституток запрещается». Тук-тук. Стучишь и смеешься. Строишь на меня. Закричу? Нет. Ты решился. Ты все-таки решился. Я рада. За тебя, за себя. За нас? А и Бэ. Пару дней назад, вписывая свои имена в регистрационную книгу отеля, мы оказались четвертыми по счету мистером и миссис Смит на странице. Но круглолицая тайка, даже не глянув в паспорта, дала нам ключ. Комната размером с чемодан. Розовые полотенца.

Мы поднимаемся в номер. Ты бежишь чистить зубы. По телевизору – японское MTV. Я переодеваюсь. А, И, Бэ. Ты пересчитываешь деньги. Кто останется на трубе? Выходим на Каосан, «Севен Элевен», духовный сан, молебен. Покупаем флягу «сангсома». С собой, для храбрости. Ты говоришь продавщице: «Коп кхун крап»¹⁶. Она улыбается.

Сои Ковбой. Животное варево жизни. Луна-парк для взрослых. Adult. Ад и альт. Незакрытый гештальт. Огни, музыка, латекс, чулки в сеточку, похотливая скука в глазах, результаты ежедневного втирания крема для отбеливания лица и пластической хирургии, улыбки как радиоточки желания. За подкладкой улицы – сверкающие ягодицы, напоказ выставленные груди. Моя майка липнет к телу. Девочки наперебой хвалят мои ноги. Во всех гоу-гоу барах кондиционеры работают на полную, стриптизерши мерзнут, по их ко-

¹⁶ Спасибо (тайск.).

же бегут мурашки. Официантка приносит два бокала «сингха». Девочки извиваются вокруг шестов под «Liberian Girl» Джексона. Ты отчаянно демонстрируешь, что я интересую тебя больше, чем происходящее на сцене. То и дело сжимаешь мою ладонь. Как в тот вечер, когда мы вылетали из Ниццы и я сказала, что останусь с тобой. И еще – что люблю тебя. Самолет взлетел, стряхивая с себя взлетную полосу, словно собака прилипшую к лапе карамельку. А ты все не выпускал из рук мою ладонь.

Курить – только на улице, проталкиваюсь с бокалом к выходу, ты за мной. Мое пиво разливается на руку тайке, сидящей на коленях старого фаранга в бриджах. Она оборачивается и кисло улыбается моему «сорри». Потом снова начинает тереться бедрами о ширинку фаранга. А он говорит в телефон, закрыв второе ухо рукой. Немец. «Что там?» – спрашиваешь ты. «Авария!» – отвечаю я. Авария. Магдебургские полушария. Две плотно прижатые друг к другу металлические полусферы, которые трудно разъединить, если из пространства между ними откачан воздух. Понимаешь?

– Что? – Ты нагибаешься к моим губам.

– Между нами нет воздуха, – шепчу я. Ты не слышишь.

Воздух пахнет гашишем, карри и потом. Пьем «сангсом» прямо из горла. «Doll House», «Shark», «Cowboy 2». Третий по счету гоу-гоу бар. Чтобы потеряться, нужен третий. Раз, два, три. Женского рода. Она. Ее выбираю я, выбираю лучшую. Ту, которая сможет составить конкуренцию мне.

Пишу: «А ведь еще четыре месяца назад, когда все только начиналось, твой взгляд уверял меня, что я – подарок. Что я – та самая, возжеленная и недоступная playstation 3, которую шестилетний мальчик видит под елкой еще запечатанной, но уже предвкушает миллион наслаждений. Ты искал моих губ. Теперь в твоём взгляде пустота ночного офиса, а на губах чья-то блеска».

Девушки улыбаются мне со сцены и переглядываются между собой. Они понимают, что происходит. Понимают, что понравиться нужно мне. Ты, кажется, о чем-то меня спрашиваешь. А я задаюсь вопросом, возбужден ли ты. Месяц назад я бы проверила собственноручно, но сейчас не уверена, что это уместно. Уместность. Я заразилась от тебя этим словом.

– Что ты спросил?

Четыре месяца назад. Ты кивал, когда я рассказывала о своей стране, пытаюсь кратко изложить причину моего переезда в Мадрид. Ты говорил, что я очень умная, раз привезла с собой столько книг. Ты ревновал меня. Ты хотел меня. Мне не требовалось для этого вспоминать имена подруг, с которыми я чуть было не переспала в четырнадцать лет.

На сцену выходит новый состав танцовщиц. И... да, я сразу замечаю ее. Она тоже замечает мой взгляд. Меняется местами с подружкой и начинает танцевать прямо передо мной. На вид ей лет восемнадцать, не больше. Она высока и стройна. Как для тайки – весьма длинные ноги. По ее красивой

груди пробегают пятнышки света. «Sweet Dreams», ремикс. Красивое лицо. Длинные – до ягодич – волосы. Тонкие пальцы, маленькие ступни. Она мне нравится. Она такая же, как я. Мы улыбаемся друг другу. Ты не отрываясь смотришь на нее. Я внаглую достаю бутылку «сангсома» и делаю два больших глотка. Трек обрывается, девочки сами себе аплодируют. Меняются местами. Каждый клиент в баре должен визуально ознакомиться с ассортиментом. Так что нужно спешить. Ее номер «десять». Ее стоимость – три тысячи бат. Шах. И мат. Бери ее.

Ты киваешь мне. Раз, два, три. Playstation 3. «Да, она хороша... Конечно, я же знаю твой вкус». Договаривайся. Только сам, без меня. Это нетрудно. Чуть больше слов, чем при заказе пива. Без меня. Не трудно. Не больно. Отпрашиваюсь на перекур. Мне нужно успокоиться. Достаю пачку местных «Gold City». Закуриваю. Гадость. Блок «мальборо», который мы привезли из Мадрида, закончился на пятый день. То есть позавчера. На улице не протолкнуться из-за киношников с их светотехникой и камерами. Ноги вязнут в кабелях. Яркий свет. Девочки из бара прикрывают ладонями глаза и пытаются резкими криками отогнать от входа некрасивого катоя в черном платье. Его пробивающиеся над губой усики напоминают неумелые стежки ниток. Киношники снимают аптеку, перед ней стоит очередь из тайцев, Жан Рено в белом костюме нервно ходит перед камерой, что-то говоря в телефон. Стоп. К нему подбегает гример, припудривает лоб. Жарко.

Сцена повторяется. Надо возвращаться.

Вы сидите с ней за столиком. Она в бикини, топless. Ты держишь ее за руку. На столе рюмка «сангсома». Для нее. Раз, два, три. Улыбаюсь. Присаживаюсь к вам.

– Я уже договорился! – Гордости в твоих словах хватило бы на драгунский полк. – Ее зовут Дао. Она знает здесь поблизости отель, где можно без проблем снять номер на час. Это называется «short». Она хотела «long», но я отказался. Она сейчас оденется и пойдём. Пять минут.

Дао улыбается мне и встает из-за стола. Ее рост меньше, чем казалось со сцены. Пытаюсь представить тебя с ней в постели. Почему-то не удастся. Начинаю думать о тебе в третьем лице. Он. Они. Hell is other people¹⁷. Сартр. Сортир.

В черном коридоре по пути к туалету попадаю под шквал поглаживаний и нашептываний. Видимо, это те танцовщицы, кому я улыбалась. Только сейчас они в одежде. Тай-инглиш. Говорят, что я красива. Их пальцы касаются моих плеч и волос, осторожно дотрагиваются до груди. В туалете всматриваюсь в свое отражение в зеркале. Раз, два, три. Припудриваюсь.

Они уже ждут меня. Выходим. А, И, Бэ. Дао впереди. Он пытается взять ее за руку, чтоб не потеряться в толпе. Она отдергивает руку. Жан Рено смеется какой-то шутке режиссера.

В номере есть душ. Дао не закрывает дверь, и я слышу,

¹⁷ Знаменитая фраза Жан-Поля Сартра: «Ад – это другие». (Англ.)

та обжигает мне пальцы. Так долго. А и Бэ. Сигнализация стихла. Капающая в душе вода. Его яйца бьются о ее анус. Мозг отказывается воспринимать происходящее как реальность. Три. Он кончает ей на живот. Конечно, презерватив порвался. Но ему не все равно. Кончить в нее он посчитал неуместным.

Дао бежит в душ. Он целует меня в щеку. Закуривает. Улыбается.

– Вот я и познал дао!

Она быстро возвращается. Он вынимает из моих онемевших пальцев бутылку и дает ей. Она делает маленький глоток и смущенно хихикает. Он сгребает свои вещи в охапку и идет в душ. Мы остаемся с ней одни. Я пересаживаюсь на кровать, она садится рядом. Мы обе голые. Она спрашивает, давно ли мы в Тайланде. Я отвечаю, что нет. Она спрашивает, где мы уже были, и я перечисляю храмы, в которых мы наклеивали статуям святых кусочки золотой фольги на лоб. Она говорит, что нужно было загадывать желания, что если загадал желание с открытым сердцем, то святой обязательно его исполнит. Дао дотрагивается до маленького медальона на моей груди и спрашивает, кто на нем изображен. Я не знаю, как рассказать ей об иконе Семистрельной Богоматери. Упрощаю – «Дева Мария». У Дао на груди тоже медальон с изображением Будды. Она обнимает меня. Наши груди соприкасаются, а цепочки медальонов спутываются. Так мы и сидим, глядя друг друга по голове.

Он возвращается из душа полностью одетым. Допивает «сангсом». Дао диктует мне свой телефон. Я дарю ей свои сережки. Давнишний подарок Оли.

Выходим из отеля. Дао говорит, что ей нужно вернуться в бар. Я обещаю, что перезвоню ей. Он целует ее. В щеку.

Я залпом глотаю текилу в баре на колесах. Раз, два, три. Выталкиваю из себя слова. Как женщины с Патпонг-стрит влагалищными мышцами выталкивают из себя шарики для пинг-понга. И все мимо цели. Он не понимает. Восторгаюсь им. Он смеется.

Возвращаемся на Сои Ковбой. Киношников уже нет. Жан Рено. «Колдовская любовь». Смотрела в детстве раз триста. В «Вассара» звучит Pet Shop Boys. Он разваливается в кресле и задирает голову. Прозрачный потолок. Над нами танцуют девочки в школьной форме. Время от времени они приседают на корточки, словно собираясь помочиться. Они без трусиков.

«Чанг» ложится на текилу, словно у них первая брачная ночь. Он что-то говорит. Я смеюсь. Он удивлен. Промахнулась с реакцией. А и Бэ. Кто остался на трубе? Иду в туалет, ноги путаются в ковролине, которым обиты ступени спиральной лестницы. Падаю. Он подбегает. Больно хватает за плечи.

– ¿Qué te pasa? ¡Estas totalmente borracha!¹⁸ Успокойся!
Еще что-то. А я плачу, отбрасывая его руки и крича в от-

¹⁸ Что с тобой? Ты напилась в задницу! (Исп.)

вет:

– ¡Puto de mierda! ¿Para qué me llevaste en este lugar?
¡Déjame en paz, cabron!¹⁹

Пощечина? Красный свет режет глаза. Потеряться...

Бегу. Бегу-бегу-бегу. Машу рукой, сажусь в тук-тук. Говорю «Каосан» и откидываюсь на спинку жесткого сиденья. Не могу прекратить плакать. Раз, два, три. Нет, не могу. Закуриваю. В пачке еще две сигареты. Надо купить. Это Пат-понг? Шоу, наверное, в самом разгаре. Женщины с маркерами во влагалищах выводят на бумаге «Welcome to Thailand». Нет-нет-нет! Я не хочу в отель. Я не хочу к нему. Потеряться... Я говорю водителю, чтоб он притормозил. Выхожу. Надо мною склоняется лицо ночи, обмотанное бетонными бинтами эстакад. Прохожу пару кварталов, поеживаясь от писка крыс. Болит голова. Знобит. Нервы. Безлюдная улица с вывесками массажных салонов. Все закрыто. Телефон остался в «Вассага». Или в тук-туке. Не помню. В конце улицы слышу музыку. Молю о чуде. Безымянный бар. Ни одного клиента. Только толстая тайка. Но главное, что он открыт, да святится его неизвестное название. Пью колу. Кола теплая. К одной стене бара прибиты две пары плетеных снегоступов, под ними школьные фотографии чьих-то детей. Другая стена завешена фотографиями королевской семьи. Прошу тайку вызвать мне такси. Она что-то отвечает, я не понимаю. Тайка пишет карандашом на салфетке: «No taxi». На ее бей-

¹⁹ – Ебанный урод! Зачем ты привел меня сюда? Отвали от меня, ублюдок! (*Исп.*)

дже имя: «Муи». Судя по ее лицу, она собирается с минуты на минуты закрываться. Я раскрываю перед ней свою карту города и прошу показать, где я нахожусь. Допиваю колу, прошу еще. Иду умыться в туалет. Вода холодная, но нет полотенца. Вытираю лицо руками, тушь размазывается, снова накатывают слезы.

Сигареты кончились. Звучит Murray Head: «One night in Bangkok makes a hard man humble». Слежу за гекконом на потолке. Пишу: «Как известно, благодаря близкому контакту щетинок на лапках с поверхностью гекконы используют связи ближнего взаимодействия между молекулами, то есть они прилипают посредством сил Ван-дер-Ваальса, названных так в честь голландского физика. Ближнее взаимодействие между молекулами. Ключевое слово «между». А, И, Бэ. Не знаю, что сказать тебе, когда приеду. Наверное, мы вернемся в Мадрид чужими людьми. Наверное, я хотела именно этого».

Я всматриваюсь в сосредоточенное лицо Муи, внимательно изучающую карту города. По ее волосам что-то ползает. Вдруг Муи складывает карту, протягивает ее мне и качает головой. Потом берет карандаш и пишет на салфетке: «We don't exist». Раз, два, три.

15 сентября. Ольга. Лозовая

Вас приветствует радиостанция «Сигма» и спонсор программы «Сказка на ночь», салон красоты «Люкс»: ваша красота – наша забота. Оказывается, кельты настолько верили в загробную жизнь, что могли даже одолжить деньги с условием их возврата в ином мире.

В три года я носила знаменем громадный розовый бант. Я этого не помню, зато прекрасно помню, что у бутылок с кефиром были ярко-зеленые восхитительно хрустящие крышечки из фольги. Я ненавидела кефир, но крышечки настойчиво собирала, складывая в коробку из-под цветных карандашей.

Больше всего в нашей семье кефир любил дедушка, мамин отец, он и приносил регулярно нам заветные бутылочки. Дедушка был моложав, подтянут, строен, любил видеть свое отражение в зеркале и понятия не имел, как себя вести с существом, которое приходилось ему внучкой. Поэтому гулял со мной молча. А я ждала его только для того, чтоб получить новые крышечки.

Когда-то у него была своя насыщенная жизнь. Сейчас он лежал на кровати, укрытый, несмотря на жару, ватным одеялом, а вокруг него были разложены пакеты с замороженными варениками и пельменями. На пакетах с варениками

ярко-зеленым, как кефирные крышечки, цветом было написано «Картофель с грибами». А дедушка умер. Он лежал так уже около пяти часов. Был сентябрь, душная воскресная ночь, и никто не знал, что делать. Ни бабушка, которая почему-то запретила докторам, констатировавшим смерть, сразу забрать дедушку в морг, ни зареванная мама, ни брат, держащий наготове успокоительное, ни я. Нас было четверо в маленькой двухкомнатной квартире панельного дома. Город уже спал, укутавшись запахом жженных листьев, только у соседей сверху ныл телевизор. Сентябрь этого года выдался очень жарким. Говорят, тридцать лет назад тоже так было.

В последние годы я редко приезжала в Лозовую. Это было не то место, куда хочется возвращаться. Макондо из «Ста лет одиночества» – так я называла его про себя. Окраина Вселенной. Кустарный первитин, хроническая бессонница, недостроенная церковь в центре города и постоянно сушащиеся белые простыни. В свой последний приезд я видела во дворе двух нарядных маленьких девочек, которые играли в похороны своих придуманных мужей.

«Та хто його знає? Та хто його знає, кажу, наче він і не падав», – говорила бабушка, глядя в стену. Мы с братом напоили ее успокоительным, но теперь жалели об этом, потому что она отказывалась рассказать, что случилось с дедушкой. Молчала или говорила что-то странное. А знала это только она – мы втроем приехали лишь минут сорок назад на скором поезде. Еще в дороге мы обзвонили все соответствующе-

щие госучреждения, и повсюду слышали лишь длинные гудки – воскресенье. На клеенке стола, в пятне света настольной лампы, лежал клочок бумаги – свидетельство о смерти. На нем было написано: «Был обнаружен родственниками мертвым. При жизни болел разными болезнями».

Жара не спадала. Никто из нас не знал, как отвезти дедушку в морг. Службы такси кидали трубку, лишь услышав суть вопроса. Знакомые обещали перезвонить, обзванивая в свою очередь своих знакомых, но и эта конференц-связь быстро сошла на нет. Дедушку нужно было охладить. Льда в маленьком городе взять было негде. В предлагаемом ассортименте круглосуточных магазинов значилась лишь водка, пиво, ситро, колбасы, засохшие сыры, сушеные кальмары и замороженные полуфабрикаты. Набирая пачки замороженных вареников, я поймала себя на том, что выбираю «Картофель с грибами» – мои любимые. Брат копался в отсеке с пельменями – в пельменях он разбирался лучше меня.

Воспаленная ночь впала в летаргию, а мы пугали людей своими телефонными звонками, будили, сдирали с них сны, как присохшие гнойные бинты, задавая дикие вопросы: как отвезти дедушку в морг и что нужно сделать, чтоб его туда положили? Безликие заспанные голоса только матерились в ответ. Мы были посланы на хер в милиции, в «скорой помощи» и в больнице – в лучшем случае, нам давали другие номера телефонов, на которые вообще никто не отвечал. В «скорой» нам сказали, что не могут прислать машину, по-

тому что в ней нельзя возить мертвых – только живых. Тут же прочли лекцию о том, что возле тела мертвого человека обитает больше сорока тысяч всяких микробов и инфекций, даже вирус менингита там есть, и потому с трупом лучше не контактировать вообще, тем более ни в коем случае нельзя целовать покойника в лоб, как принято. Я никак не могла отнести слова «труп» и «покойник» к моему дедушке. Он по-прежнему лежал на диване, я видела его из коридора. Свет в комнате был выключен. Черты лица дедушки заострились, морщины расправились, он казался моложе. Даже стал похож на собственный портрет, напечатанный в газете «Машиностроитель» в 1978 году, – там ему была посвящена благодарственная статья, он был ударником труда. Бабушка когда-то говорила, что никаким ударником он не был, наоборот, был лентяем и куролесил, но на заводе его все равно ценили за профессионализм. Дедушка был чертовски красив на той фотографии, хотя бумага и пожелтела со временем. Они с бабушкой никогда не жили дружно. Он «гулял».

В серванте, на самом видном месте, хранились стопки фотографий, сделанных когда-то дедушкой на многочисленных курортах. Черно-белые карточки с многоярусными рядами отдыхающих, позирующих на фоне санаториев. Каждая фотография была подписана золотыми чернилами: «Саки-69», «Сочи-73», «Фрунзенское-81». Я раскладывала из карточек бессмысленный пасьянс на столе и думала, что жизнь также лишена целесообразности. И что мгновенно запечатлевае-

мый образ – то единственное, что связывает время и пространство. И что у моей подруги Саши есть коллекция фотографий с видами египетского города Александрии, хотя она никогда в нем не была, а лишь собирается там побывать.

Около трех ночи наконец-то нашли человека, который пообещал нам помочь. Он назвал сумму – мы втроем выложили все наличные деньги. Через полчаса человек сказал, что обо всем договорился, что нам дадут ключи от морга в городской больнице и что он отвезет нас.

Пока ожидали машину и искали документы дедушки, нашли жестяную коробку из-под печенья, полную орденов. Среди них лежала телеграмма, а в ней – личная благодарность за взятие Маньчжурии в русско-японской войне от товарища (генералиссимуса) Сталина. И мы, когда складывали дедушку в длинный черный пакет со змейкой посередине, гордились им. А в пакете заедала змейка.

Человек помогал нам, потом тщательно пересчитывал полученные деньги, проверяя каждую купюру над настольной лампой. Попросил поменять надорванную сотню.

Бабушка переживала происходящее спокойно, но по-прежнему упорно молчала и отказывалась говорить, что случилось. Это было визитной карточкой нашей семьи – молчать. О прошлом, о чувствах, о предпочтениях, о желаниях. Но особенно – о прошлом. Лишь год назад, польщенный, что ради его дня рождения внучка приехала из самой Франции, дед рассказал о своей семье. Оказывается, он родом из како-

го-то уже несуществующего села Донецкой области.

В их семье было много детей, все мальчики, и у них было небольшое хозяйство, но после того, как один из братьев убил в драке какого-то председателя, им всем пришлось убежать врассыпную по селам и менять фамилии. После они так и не встретились – началась война, и дедушка думал, что они погибли. Он рассказывал – я пила коньяк. Его коньяк – у дедушки были серьезные запасы спиртного, и раньше он любил пить, но потом ему запретили врачи. Он радовался, если его алкоголь приносил кому-то удовольствие. В нашей семье не было принято пить.

Большая машина ехала по изрытым дорогам. Дедушка, укутанный черным пакетом, лежал в грузовом отделении на полу, подпрыгивая каждый раз, когда колесо попадало в яму. Мама сидела там, рядом с ним, и слышны были всхлипывания. Там же сидел брат и пара знакомых, вызвавшихся помочь в последний момент. У меня слез не было. Водитель мне сначала тоже показался знакомым, но потом я поняла, что он просто похож на диджея из L' Arc, игравшего на августовской вечеринке. Диджея, кажется, звали Луис – я его фотографировала. Когда он закончил играть, к нему подошел парень-араб, и они стали нежно целоваться. А билеты придется менять. Послезавтра я не смогу вылететь. А значит, не поеду с Паскалем в Довиль. Гизела обрадуется.

Водителю пришлось сделать крюк и резко развернуться, меня дернуло, ремень безопасности натянулся, и я услыша-

ла, как тело прошуршало по дну фургона. В черном пакете дедушка казался еще больше и выше, чем я его помнила. Когда мне было 14 лет, он был на голову выше меня и я стеснялась его. Со своими шляпами, зонтом-тростью, про которые тогда еще никто и не слышал в Лозовой, он казался инородным телом в мягких тканях этого города.

Дедушка часто выходил на променады, и, встречая его случайно, я пряталась в подъездах. К тому времени он рассорился с семьей, точнее – семья перестала делать попытки его понять. А я считала себя нормальной. И в какой-то степени боялась его – на его забитых книжных полках мирно соседствовали книги по плавлению металлов, сопротивлению материалов, машиностроению и практической магии. Был даже антикварный том сочинений Папюса. Нам не о чем было говорить.

Как-то мы с Паскалем сидели в «Chez Omar» (кредитные карты не принимаются), я полушутя выпрашивала у официанта понравившийся мне магрибский стакан для чая, и тут за окном прошел мужчина, в плаще, шляпе и с тростью. Я вскочила из-за стола, чтобы выбежать к нему, но официант вернулся с завернутым в бумагу стаканом и перегородил выход. А стакан тот я разбила случайно через месяц.

Сейчас дедушка лежал в пакете, холодный и твердый. Я заметила, что пальцы моей правой руки дрожат, а левой – нет. Это показалось мне странным. Машина, раздирая ревом мотора липкую тишину, въехала на территорию больницы. В

пятнадцать лет именно тут мне вырвали гланды.

Это было 23 декабря, поэтому в тот Новый год я напилась. Не специально – просто очень хотелось есть, а я могла лишь пить жидкость. И поначалу очень злилась – глотаешь шампанское, а оно, пузырясь, выливается через ноздри. Правда, потом этот нюанс даже добавил острых ощущений. Пока я лежала в больнице, все дни подряд шел снег, а одноклассники приходили меня навещать. Одноклассницы не пришли ни разу. А я радовалась, что мне нельзя есть и потому быстро худею, и бегала курить под лестницу. Однажды там были слышны крики роженицы, позже по лестнице весь день бегали медсестры с какими-то тазиками. В этом здании не было родильного помещения, наоборот, тут на четвертом этаже лежали беременные, которым было запрещено рожать, и их заставляли делать аборт даже на поздних сроках. А одна отказалась от всего и даже собиралась сбежать, но ее уговорили остаться в больнице. Все были уверены, что она вот-вот умрет. А она не умерла, еще и родить умудрилась. В ту ночь дежурные медбратья и медсестры со всех этажей, кроме реанимации, здорово напились. Они радостно кричали, танцевали, что-то пели, собирались даже потом сообща ехать крестить этого ребенка, а под утро бегали и просили закуску у сонных больных.

Я никогда не видела больничного парка ночью. Почему-то сейчас я поняла, что почти все деревья здесь – липы. Из-за жары даже казалось, что они пьяно, по-июньски, пахнут. Пе-

ред регистратурой парк вообще никак не освещался. Машина остановилась в кромешной тьме. Мне нужно было зарегистрировать дедушку и взять ключи от морга.

Когда глаза привыкли к темноте, за деревьями стали видны тускло освещенные окна главного корпуса. И еще луну. Почти полнолуние, и одна сторона луны покраснела, будто после пощечины. Приглядевшись, можно было увидеть еще три звезды. Больше – ничего.

Я бежала к огням. В том, чтобы бежать, не было необходимости, но мне как-то нужно было унять неконтролируемую дрожь в правой руке. Споткнулась о какой-то невидимый предмет. Бордюр. Больно проехала коленкой по асфальту. Дрожь в руке прошла, и я, прихрамывая, побежала дальше. В приемной было три человека – они посмотрели на меня с издевательским упреком. Я, держась за кровоточащую коленку, понимала их. О том, что дедушка умер, я узнала, когда мы с харьковской подругой (Нина, учились вместе, уже замужем) заходили в KofeIN, чтобы отметить встречу парой-тройкой мохито. Переодеться было некогда, и сейчас короткое желтое платье, бирюзовые босоножки и вечерний (размазанный уже) макияж совершенно не соответствовали ни случаю, ни месту.

Я громко сказала, что мне нужны ключи от морга. Очень громко. Проворная дежурная затащила меня без очереди и попросила не пугать здесь всех. Потом начала переписывать дедушкины данные в толстую тетрадь, попутно сообщая, что

сегодня в морге нет электричества. Дала мне два ключа, объяснив, что первый – от коридора, а второй – от покойницы. Потом попросила занести ключи обратно и сказала, что дедушку нужно положить на любую свободную каталку и главное – не забыть сверху него положить свидетельство о смерти. И что если мы собираемся завязать ему руки-ноги полотенцами, то в этом нет необходимости. Я не понимала, что она имеет в виду. Говоря, она скрипела ручкой о бумагу. Такие шариковые ручки считались очень модными, когда я пошла во второй класс. Они писали фиолетовыми чернилами, и написанные ими буквы таинственно пахли. Первая такая ручка появилась в нашем классе у одной девочки-отличницы в день рождения классной руководительницы, который совпал с днем убийства Влада Листьева. Особенным шиком в тот день считалось одолжить ручку у той девочки и написать в дневнике, в графе «домашнее задание», напротив первого урока – «С днем рождения, Ирина Николаевна!», а напротив шестого урока – «День траура». Мы все так сделали, хотя я тогда не знала, кто такой Влад Листьев. После школы я всегда шла к бабушке с дедушкой. Дедушка в дверях обязательно спрашивал меня: «Знаешь, что означает „Анна и Марта Баден“?» – Я говорила: «Нет». – «Анна и Марта купаются», – смеялся он и уходил. Этот ритуал повторялся при каждой нашей встрече. Я всегда отвечала «нет», а дедушка всегда смеялся и объяснял.

Медсестра долго писала и говорила. Ее передние зубы бы-

ли золотыми. Я попросила ее провести нас к моргу, а она ша-рахнулась: «Мы никогда туда не ходим!» – и активнее заработала правой рукой. Почерк у нее был каллиграфический. Такой же был у дедушки. Он аккуратно выводил буквы, и казалось, что даже на бумаге он растягивает гласные. Дедушке было кому писать – у него было много военных друзей, которых, впрочем, никто никогда не видел. Я подумала, что нужно найти все письма и написать его друзьям, что дедушка умер.

Обратная дорога к машине не заняла много времени. Водитель знал, как подъехать к зданию морга, – ему, судя по всему, было не впервой. Я попросила его не выключать фары, когда приедем.

Повороты были резкими, дедушка подпрыгивал в черном мешке, мама уже не всхлипывала. Около морга пахло. Сильно пахло – это почувствовали все, когда вышли из машины. Казалось, что ночная тьма здесь плотнее, чем возле больницы. Водитель отказался оставить фары включенными, боясь, что сядет аккумулятор. Я открывала первый замок – навесной, – неуклюже пытаюсь подсветить себе мобилкой, и увидела, что мне пришла смс. Наверное, Паскаль. Водитель отправился искать фонарь в машину, брат со знакомыми подготавливали дедушку, чтоб переложить его на каталку, мама снова начала плакать. Замок был ржавый и пачкал пальцы. От запаха начало тошнить. За дверью оказался маленький коридор, заполненный еще более густой вонью. Замок следу-

ющей двери был обычным, будто от квартиры в коммуналке.

У дедушки во всех библиотеках города был абонемент. Однажды он принес мне «Сказки народов мира». Сказал, что хотел взять «Тома Сойера», но решил, что мне еще рано его читать. Мне тогда было семь. «Тома Сойера» я прочитала в шесть.

Я очень боялась, что меня вырвет, что я не справлюсь с замком, но он открылся с тихим щелчком, и вдруг стало понятно, какая же тишина стоит вокруг. И тут я поняла, что означает фраза «в морге сегодня нет электричества». Мысль о том, что я сейчас упаду, пришла позже. Фонарь водителя заметался по облицованной кафелем комнате в поисках каталки. Подошел брат, поддержал меня за локоть. Фонарь высвечивал то большой палец чьей-то ноги, то спущенную с каталки руку, то спутанную прядь волос. Каталог было две, а тел – шесть. По крайней мере, столько я увидела. Четверо лежали на полу, почерневшие и мокрые, и один из них был ребенок, лет пяти. Он лежал в углу возле двери, и его рука цвета рыбьего брюха блеснула в тридцати сантиметрах от моей ноги. Я побоялась отдернуть ногу. Пол был покрыт какой-то жидкостью. Я держала дверь, пока с каталки снимали чужой труп, чтоб завезти на ней дедушку внутрь. На трупе были надеты трусы. Его подняли, держа за руки и ноги. Это был мужчина с громадной коричневой раной в животе. Кто-то из знакомых даже узнал его – город-то маленький. Было похоже, что его зарезали. Я уже видела подобное однажды.

Утром перед входом в метро Barbes Rochechouart возле ступеней лежало три тела, укрытых простынями. Вокруг четвертого стояли жандармы, и когда они отошли в сторону, я увидела разорванный живот. Кто-то сказал, что это дилеры из Сен-Дени не поделили деньги.

Чтоб закрыть дверь в покойницкую, водителю пришлось надавить на нее плечом. Я думала о маме, о том, что хочу снять и выбросить всю одежду, и еще о водке. Я была спокойна: бабушка уже в безопасности.

Хотелось выпить. За водкой пошли в круглосуточный магазин. На пятой рюмке накатили рыдания. Сон пришел быстро.

А утром бабушка рассказала, что дед умер в туалете. Стоя. Как полковник Аурелиано Буэндия. Его долго не могли вытащить оттуда, потому что он был большой и высокий. А после очень долго не могли выровнять ему руки. Она говорила об этом, помешивая ложкой в кастрюльке. В мусорном ведре валялась скомканная упаковка от вареников. На целлофане ярко-зеленым было написано «Картофель с грибами». Было жаркое утро. Пора было завтракать. Брату бабушка собиралась сварить пельмени.

16 сентября. Александра. Александрия

Программа «Сказка на ночь» и радиостанция «Сигма» желают вам хорошего вечера. Наш спонсор – салон красоты «Люкс»: ваша красота – наша забота. Считается, что в доме покойника все зеркала должны быть прикрыты тканью, потому что зеркало открывает перед душой умершего лабиринт отражений, заманивая в ловушку, из которой невозможно вырваться. В последнее время принято также завешивать экран телевизора.

Упала, cazza gola²⁰. Не просто упала, типа «шлепнулась», а обвалилась башней Всемирного торгового центра, рухнула подбитым «черным ястребом» УН-60, низверглась в Мальстрем отполированного мрамора прямо перед решетчатой дверью лифта. Cazza gola! Из лифта как раз собирался выходить пенсионер, бородатый, как анекдот, и в бриджах цвета крем-брюле – он приоткрыл дверь и испуганно замер. Даже в его молчании чувствовался немецкий акцент. Мне хватило времени полежать на полу, чтобы рассмотреть его загорелые облысевшие ноги (или эпилированные, кто их знает, этих бывших гитлерюгенд?), обутые в темно-синие «ске-

²⁰ Хуйня (ит.).

черсы». В лобби «Сесилия» все хором замолкли (именно хором, как древесные лягушки), Алекса парализовало у стойки администратора, а я проорала про себя голосом короля Джулиана из «Мадагаскара»: «Глядите, я мадама! Я мадама, народ! Я мадама! Ну, кто из вас запал на меня?» Мотор, камера! Лифтер в бордовом пиджаке бросился поднимать меня с пола, бородатый пенсионер вышел из комы и лифта, сказав «эскюзми» (с немецким акцентом, а то!), Алекс пощупал мой локоть и спросил: «Не болит?», древесные лягушки, убедившись, что «не болит», снова принялись fare schiamazzo²¹. Я невозмутимо отряхнула брюки на коленях. И что такого – ну да, японская танкетка от Tripren страдает социально безответственным дизайном. Да и дорога от Каира была не из легких. Наш рейс из Рима совпал с рейсом из Рио, поэтому в минibus, присланный «Александрия Тайр», набилось сразу две делегации. По Каиру ехали долго – проходил какой-то важный для местных футбольный матч, в пробках стояли сотни машин с людьми, размахивающими национальными флагами. Сквозь дрему мне казалось, что наши попутчики время от времени переходят на русский – при усталости от умственного напряжения ослабляется внимание и в чужой языковой среде возникает иллюзия родного языка. Я уснула и потом смогла вспомнить только одну фразу из своего сна: «Апокалипсис прошел незаметно, словно день рождения сотрудника из соседнего отдела». Меня раз-

²¹ Орать (*urr.*).

будил намаз, транслируемый по радио у водителя. Мы уже ехали по Корниш. На море был шторм. На Саад Заглюль среди гнущихся пальм кружились рваные целлофановые пакеты. Перед входом в «Сесиль» мне на секунду показалось, что в отъезжавшем с другой стороны улицы фиакре мелькнуло лицо Александра Первого, которого я теперь называла Искандером, чтобы дифференцировать его от Александра Второго, которого все сокращали до Алекса. Это нелепое падение ниц... «Поскользнулась? Не болит?» В лифте взгляд Алекса говорил мне: «А вот с Александрой Первой такого точно бы не случилось». «*Che culo!*²² – ответила я взглядом и подмигнула ему, как Губка Боб. – Я расскажу тебе одну историю. Она называется «Уродливый моллюск». Жил-был уродливый моллюск. Он был такой уродливый, что все умирали. Конец». Мы поднимались на свой этаж и молчали.

Это было четыре дня назад. Я поглаживаю синяк на коленке, пытаюсь сконцентрироваться на воспоминаниях о сне. Мне нужно его записать, обязательно нужно. Мне приснилась моя мать. Она стояла в чьей-то мужской рубашке и что-то такое говорила... О чем был наш разговор? Об этой ее рубашке? Не могу вспомнить. Полпятого утра. Я, закутанная в белое махровое полотенце, сижу в проеме между ванной и унитазом. За закрытой дверью спит Алекс. Надрывно трещит лампа дневного света, будто тысячи цикад исполняют

²² Какое счастье! (*Ит.*)

припев «Hotel California». Взгляд отвлекается на неровный шов замазки, идущий по нижнему краю стекла между ванной и умывальником. Я не могу вспомнить сон, все старания летят к diavolo. Ламповые цикады страдальчески хрипят «Cray, cray, baby». Перед глазами возникает смутный образ Виктории Викентьевны. Воспоминание о детсадовской воспитательнице – это мой «якорь» наоборот. То есть вспоминаю о ней – забываю сон. Причем уже навсегда. Это началось, когда я впервые осталась на ночь у Алекса и во время секса умудрилась стесать кожу на спине о его шелковые простыни. В четыре тридцать на моем телефоне завибрировал будильник, я открыла глаза, скривилась от саднящей боли и на цыпочках проскользнула в ванную, чтобы записать новую главу в одиннадцатый блокнот своего дневника сновидений. Прикурила сигарету, вспомнила главные топонимы сна... И вдруг увидела на полке над умывальником фиолетовую коробочку с какими-то витаминами. Тут же вспомнила (будто порезалась) – что точно такого же цвета были ногти у Виктории Викентьевны из детского сада номер два. И следом – снег за окном, натопленная комната, пахнувшая то ли котлетами, то ли обгаженными детскими колготами, ковер с лишайными залысинами. На ковре вокруг Виктории Викентьевны маленькие девочки крохотными ножницами для аппликаций усердно сдирают фиолетовый лак с ее ногтей. А воспитательница в это время рассказывает интересные истории, которые я всегда внимательно слушала, потому что

вообще была очень внимательным ребенком. Сдирать лак с ногтей разрешалось только послушным девочкам, так что я, к сожалению, была удостоена этой чести лишь дважды. Слишком любила разрисовывать фломастерами чужие курточки и забивать стоки умывальников перловой кашей. Но к историям воспитательницы всегда прислушивалась – детская космогония, сложившаяся из них, неоднократно заставляла родителей страшиться за мой разум, а мою бабушку – часто креститься. Вот и сейчас я вижу лицо Виктории Викентьевны, обрамленное вертикальной химией, с опавшей на щеки тушью «Ленинград». Детсадовская ловушка для снов.

– Интересно почему? – улыбнулся Искандер.

– Что почему?

– Почему про Александрию лучшие книги написаны самими шпионами, а о Каире – про шпионов? – Искандер сделал глоток «кровавой Мери» из моего бокала. – Даррелл и Фостер работали на британскую разведку в реальности. А Фоллет с Ирвином лишь писали о шпионах, будучи обычными литераторами.

– О Сайгоне лучшая книга тоже написана шпионом.

– Грин? Нет, я не об этом...

– И про Иерусалим...

– Уитмор, да, знаю. Но я не это хочу сказать...

– Что-то случилось? – Алекс коснулся моей руки. – Ты молчишь с тех пор, как мы пришли сюда. Переживаешь, что упала?

– Нет, уже забыла, – я подняла бокал. – За приезд?

– За приезд! – Алекс поднял свой бокал. – «Мери» здесь, конечно, не ахти.

Приняв душ и разбросав по шкафам вещи, мы спустились в бар «Монти». Бар был еще пуст, вечер лишь начинался. Алекс заказал две «кровавые Мери» и сел за столик возле входа, а я прошлась вдоль стен, украшенных портретом фельдмаршала Монтгомери, репродукцией «Джоконды» и несколькими индийскими гравюрами.

– Как забавно складывается пазл, – Искандер постучал пальцем по фотографии Монтгомери. – Прозвище этого парня стало первой частью в названии труппы «Монти Пайтон».

А когда мы с тобой жили в каирском «Виндзоре», там в холле висела фотография Майкла Пейлина, помнишь?

– *Vaf anculo!*²³ – кричу я. – Оставь меня в покое!

– Ты, наверное, устала, вот и все. – Алекс подвинул мне миску с вареным нутом в масле с перцем и стакан с огуречной и морковной соломкой. – Поешь, хорошая закуска.

– Что ты сказал про эту «Мери» – не ахти?

– Да, лучше было бы заказать просто виски. «Кровавую Мери» вообще мало где готовят хорошо. Самую вкусную, которую я пил... Где же это было? В Сен-Тропе, в баре отеля «Библос» – раз. В барселонском Arts – два. Там бар рядом с лобби, не помню, как называется... Весь завешан портретами Граучо Маркса. В Arts «Мери» делают чересчур слад-

²³ Пошел в жопу! (*Ит.*)

кой, но это даже интересно. Однако самую лучшую «Мери» подают там, где ее изобрели, – в парижском Harry's Bar. Это правда без преувеличений!

– А худшую? – я старалась поддерживать разговор. – У нас в Милане?

– Нет, не угадала! – Алекс был доволен, так как я отреагировала именно так, как это сделала бы Александра Первая. – Самую худшую и одновременно самую дорогую «Мери» я пил в баре отеля «Мажестик» в Каннах. Двадцать евро! Они туда «grey goose» льют и гордятся этим безмерно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.